

Біографъ Листа, Раманнъ, въ XII главѣ своей книги пытается дать болѣе или менѣе обстоятельный разборъ виртуозности Листа, и указываетъ, что Листъ обладалъ колоссальной техникой во всѣхъ ея деталяхъ и вмѣстѣ съ тончайшей нюансировкой, со всѣмъ блескомъ полнаго большого тона, проявлялъ титаническую силу и изумительную быстроту. Онъ приобрѣлъ такую независимость каждаго отдѣльнаго пальца и такую въ нихъ силу, какъихъ до него не имѣлъ ни одинъ піанистъ; и потому онъ достигалъ на фортепіано эффектовъ, казавшихся просто недостижимыми для двухъ человѣческихъ рукъ. Напримѣръ, онъ изумлялъ необыкновенною отчетливостью исполненія фугъ и вообще всякой полифонической музыки; при громадной независимости пальцевъ, посредствомъ разнообразія аншлага и нюансировки, онъ придавалъ такую ясную отчетливость и самостоятельность каждому отдѣльному голосу, какиихъ, казалось, можно достигнуть только въ исполненіи струннаго квартета съ его разнообразіемъ въ тембрѣ инструментовъ. Но феноменальная техника Листа не была искусствомъ, стоящимъ на первомъ планѣ и за которымъ, какъ къ сожалѣнію у многихъ и очень многихъ виртуозовъ, ничего нѣтъ. Техника его, несмотря на все ея изумительное совершенство, казалось, была для него чѣмъ-то второстепеннымъ, побочнымъ, что было только ему необходимо какъ рояль, безъ котораго онъ не могъ играть, какъ бумага и перо поэту, какъ кисть или рѣзецъ

съ которой онъ вполне подчиняетъ себя публикѣ. „Проявленіе подобной силы въ такой высокой степени, — говоритъ онъ, — нельзя подмѣтить ни въ одномъ артистѣ, исключая Паганини. При игрѣ Листа, въ секундный срокъ смѣняется цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ впечатлѣній; подъ его пальцами инструментъ раскаляется и блещетъ искрами (*glüht und sprüht*). Объ этомъ говорили уже сотни разъ; но надо слышать, а также видѣть Листа, — если его не видѣть, то бѣлая часть познія пропадаетъ. Это уже болѣе не фортепіанная игра того или другого рода, но выраженіе въ общей совокупности смѣлаго характера, которому судьба для властоузанія и побѣдъ предоставила, вмѣсто опаснаго оружія, мирный инструментъ искусства. Какъ много прошло мимо насъ въ послѣднее время значительныхъ артистовъ, которыхъ можно отчасти сравнивать съ Листомъ, — продолжаетъ Шуманъ, — но они всѣ вмѣстѣ должны уступить ему въ энергіи и смѣлости. Охотиѣ всего сравниваютъ Листа съ Тальбергомъ; но стоитъ только разсмотрѣть головы ихъ обѣихъ, чтобы вывести заключеніе. Я вспоминаю выраженіе одного извѣстнаго вѣнскаго живописца, называвшаго голову своего земляка (Тальберга) „прекрасной графией съ мужскимъ носомъ“, тогда какъ про голову Листа онъ отзывался, что каждый живописецъ охотно взялъ бы ее образцомъ головы какого-нибудь греческаго бога. Подобное же различіе заключается и въ ихъ искусствѣ. Ближе къ Листу стоитъ уже Шопенъ, какъ піанистъ, который, по крайней мѣрѣ, не уступаетъ ему въ волшебной нѣжности и граціи, ближе же всѣхъ Паганини, а изъ женщинъ — Малибранъ; Листъ признаетъ, что больше всего заимствовалъ у этихъ двухъ послѣднихъ“.